

Домовёнку Кузьке сорока на хвосте доставила письмецо от друга Лешика. Беда у них приключилась. Разболелся зуб у Бабы Яги, а это значило, что переселилась она в Дом для плохого настроения и стала злющая-презлющая. А в это время у Дома для хорошего настроения, где она становилась ласковой и милой бабушкой, без хозяйки начинал портиться характер. Поэтому в итоге вместо двух разных домиков, могло остаться два одинаковых — и оба для плохого настроения.

Вот и заспешил Кузька в лес. Увидел Лешика и ахнул. Дружок его был весь грязный, мятый, на голове трава пожухла, а хвост весь бинтами перемотанный.

— Кузька, Кузька! — запищал Лешонок. — Баба Яга совсем голову потеряла! Мало того что ругается, ещё и подлости всем устраивает. То подножку поставит, то из рогатки птиц бьёт. А мне вот видишь — хвост дверью прищемила. А говорила, пирога да-ам! — Лешик начал всхлипывать.

— Хватит реветь — и без тебя от росы мокро, — осерчал Кузька. — Ты лучше давай рассказывай, что приключилось. Опять зуб?

— Угу — кивнул Лешик, вытирая последнюю слезинку.

— Ох уж этот зуб! Говорил я ей — надо лечить. А она знай себе орехи щёлкает. Вот, дощёлкалась. Ну что, пойдём?

И они зашагали к волшебной речке, откуда до домика Бабы Яги было рукой подать. Не успели друзья дойти до Дома для плохого настроения, как уже поняли: Бабе Яге тяжело приходится. Такой шум-гам в доме стоял, такой вой и ор, что деревья листья сбросили, а птицы на юг полетели — только бы не слышать этого.

— Ой-ёй-ёй! — стонала Баба Яга. — Ах-ах-ах! Бедная я, бедная!

И — тр-рах горшком в стекло! Вот такой у неё был скверный характер: если ей нехорошо, то вокруг всем плохо должно быть.

Кузенька проследил, как чугунок по земле катится, кузнечиков распугивает, и задумался.

— Ой, Лешик, — сказал он другу. — Что-то страшно мне даже к дому подходить. Того и гляди зашибёт.

И точно вслед за горшком полетела кочерга. Лешик тоненько вздохнул и присел на кочку. Кузька присел рядышком и задумался. А потом закричал:

— Я придумал, придумал! — и стал другу на ухо шептать — как бы кто не подслушал.

А хитрый план Кузьки был вот какой. Раз Баба Яга так разбушевалась, что ни в дверь не войдёшь, ни в окно не влезешь, оставался только один путь — через трубу. Труба у Бабы Яги была знатная, широкая. Она сама по молодости через неё на метле летала, а теперь стала больше пешочком ходить. Ничего не поделаешь — возраст. Вот через эту самую трубу и собрался Кузька проникнуть в гости к Бабе Яге.

Так он и сделал. Забрались они на крышу, Кузька одним концом кушака перевязался, а другой велел Лешику крепко-накрепко держать и ни в коем случае не выпускать. Крякнул Кузька и полез в эту страшную, чёрную от копоти трубу. Лез, лез и долез. Отвязал пояс и стал в заслонку стучаться.

— Вот старость — не радость, — пробормотала она себе под нос. — Уже что ни попадя кажется да слышится.

Кузька услышал это, да давай Бабу Ягу запугивать!

— Угу-гу-гу! — завыл он диким голосом. — Ты почто, Баба Яга, шалишь да балуешь? Кто тебе разрешал лес баламутить, зверей да леших пугать?

— Батюшки! — Баба Яга от страха даже на стол с ногами забралась — такого она ещё не видела, не слышала. — Кто ж это такой грозный у меня в печи завёлся?

— А я самый главный из главных начальников над всеми Бабами Ягами! — ещё страшнее завыл Кузька. — Неужто ты меня не узнала?

— Ой, — ещё больше забоялась старуха. — Что-то я вас не припомню.

— На собрания надо ходить! — упрекнул Бабу Ягу 'начальник'.

- Правда ваша, — вздохнула Баба Яга. — Давно я с сёстрами своими не виделась...
- Ну, рассказывай, почему свою работу в лесу не выполняешь, а только всё портишь?
- Ой, батенька! Как же работать-то — я болею.
- Заболела? Полечись, — строго сказал Кузька.
- Да как же мне лечиться-то? Все доктора меня боятся...
- Сама виновата. Нечего было заезжего лекаря в колодец вверх ногами засовывать.

— Так я ж это... шутя... А что ж теперь делать-то?

— Ну вот что. Я хоть и по другой специальности, но тебе помогу. Сейчас вырывать будем.

— Как вырывать? Зуб? Любимый, единственную память от покойной бабушки? Да ни за что! — сказала Баба Яга и на всякий случай отодвинулась от печки.

— Ну, тогда придётся тебя из леса выселить, а на твоё место взять молоденькую ведьмочку — она с твоей работой лучше справится.

Тут Баба Яга не на шутку испугалась. Куда же она из лесу-то пойдёт? Как же она без домиков жить будет?

— А может, не надо? — ещё раз с надеждой спросила она у строгого начальника.

— Надо, — отрезал тот.

Баба Яга достала из кармана маленькое закопчённое зеркальце и стала рассматривать свой больной зубик. Жалко его было — всё-таки сколько лет рос! Но себя было жалче.

— Эх, всё одно пропадать! — махнула рукой старуха. — Ну, говори теперя, как зуб рвать будем.

— Бери суровую нитку...

Баба-Яга выдернула нитку из подола и намотала её на палец.

— ...теперь завязывай на конце петлю и надевай её на зуб. Только привяжи покрепче, а то толку не будет.

— Шделано, — прошепелявила Баба Яга.

— Теперь бери нитку за другой конец и привязывай к дверной ручке.

— А это зачем?

— Привязывай, привязывай!

— Ну?

— А теперь сиди и жди, — сказал Кузька и стал дергать за конец пояса.

Лешик вытащил Кузьку, всего чёрного от копоти, и они вместе быстро-быстро слезли с крыши и побежали на крыльцо. Там они вдвоём схватились за ручку и изо всех сил дёрнули дверь.

Внутри Домика раздался вой, и оттуда выбежала Баба Яга, держась за щёку.

— Ах вы, негодники! — закричала она, увидев друзей. — А вот я вам!

— Бежим! — крикнул Лешику Кузька, увидев, как в руке у Бабы Яги появился тяжёлый веник.

И они побежали. Бежали они быстро-быстро, и старая бабушка за ними не поспевала. Поэтому они первые добежали до Дома для хорошего настроения и юркнули внутрь.

Домик ещё не успел испортиться, и в нём было тепло, уютно и пахло пирогом с капустой. Как только Баба Яга переступила через порог и увидела на столе чашки в горошек с горячим чаем, у неё веник из рук так и вывалился.

— Яхонтовые мои! Изумрудные! Бриллиантовые! Как же мне вас благодарить? Спасители вы мои!

Лешик с Кузькой вздохнули с облегчением. А Баба Яга стала тут же хлопотать, на стол собирать, друзей обнимать.

— Проходите, садитесь, располагайтесь. Будьте гостями добрыми, ручки мойте белые.

Кузька посмотрел на свои руки и спрятал их подальше. И почему говорят — ручки белые? Они же чёрные, все в саже. Не каждый же день Баба Яга трубу свою чистит! Надо на самом деле их помыть.

Кузька с Лешиком умылись, полотенцем пушистым обтёрлись, а потом напрямик за стол.

Хорошо поели друзья. Щец горячих отведали, картошечку с маслицем и укропчиком душистым, котлетки, расстегайки, пироги с самыми разнообразными начинками. Чай пили с молоком и мёдом, кисель ягодный — объедение!

Ну вот, уважили старушку, теперь и собираться пора.

— У меня ещё дома хлопот невпроворот, — проворчал Кузька, слизывая варенье с ватрушки. — А вы тут больше не балуйте. Ты, Баба Яга, зуб свой возьми, пойдёшь в амбар, кинь через левое плечо и скажи: «Мышка-мышка, возьми зубик костяной, а дай золотой». И тогда у тебя зуб лучше прежнего вырастет.

— Правда? Лучше? И болеть не будет?

Ах ты, моя пышечка, ах ты, моя ватрушечка! — и давай Кузьку щипать да за щёки трепать.

— Ну спасибо этому дому, а мне некогда, — сказал Кузька.

— Спасибо тебе! — пропищал Лешик и долго стоял на пороге и махал Кузьке мохнатой лапкой.

Иллюстрации: А.Шахгелдян.